

*С благодарностью Маргарите
за понимание
и великолепный кофе,
который всегда появляется вовремя!*

ПРОЛОГ

Скрип двери. Потом тихие шаги, словно кто-то бо-
сиком идет по каменному полу. Звук далекого детского
смеха, откуда-то из-за грани.

«Фрэн, догони меня! Догони меня, Фрэн!» — слы-
шится веселый мальчишеский голос.

Кто-то пробежал по коридору.

Джеймс вскочил с кровати, бросился к окну и резко
отдернул штору, впуская в спальню лунный свет. Кро-
хотные пылинки вихрем закружились в зыбких сере-
бристых лучах. Темно. Пусто. Тихо. Граф распахнул окно
настежь, поежился от ночной прохлады, глядя на пу-
стынные аллеи парка, темные клумбы и деревья, кроны
которых еле слышно шелестели под порывами ветра.
В душную комнату ворвался воздух, напоенный арома-
тами цветов и влажной травы. Оставив окно открытым,
Джеймс задернул шторы — серебристо-голубое си-
яние луны раздражало и вызывало смутное беспокой-
ство. В комнате стало совсем темно. Камин давно про-
горел, и только рубиновые угли, словно глаза демонов
Преисподней, следили за беспокойным хозяином замка
Райли, заставляя того еще больше нервничать.

Граф подошел к двери, открыл ее и выглянул на-
ружу. Никого.

Опять голоса из прошлого. Все чаще и чаще. Сколько он уже их слышит? Полгода? Или больше?

Доктор Хартман давно настаивает на необходимости сменить обстановку. Может, он прав. Тем более сейчас, в сезон. Но стоит только подумать о вероятной встрече с Ричардом... Нет. Исключено. Уже два года, как исключено...

Граф прислушался. Все так же тихо. Только ветер завывает где-то в длинных коридорах замка и каминной трубе. Опять померещилось?

Сна как не бывало. Джеймс так надеялся, что сегодня, после длительной верховой прогулки, удастся быстро заснуть, но нет... не вышло. На прикроватной тумбочке уже давно обосновалась склянка со снотворным. Граф редко мог заснуть без него. Из-за проклятых голосов. Он слышал их почти каждую ночь, ближе к утру. Как сейчас.

Сев на кровати, Джеймс взял склянку и отпил лекарство прямо из горлышка, пообещав себе, что завтра в очередной раз инсценирует свой отъезд и несколько дней проведет в комнате Фрэнни, выходя лишь по ночам, чтобы погулять в парке. В потайном убежище всегда было спокойно и тихо. Томас украдкой приносил туда еду, воду и книги из библиотеки, в то время как остальные слуги пребывали в уверенности, что хозяина нет дома. В окружении темно-фиолетовых стен никогда не звучали призрачные голоса и не было места кошмарам. Никаким. Никогда.

ПОДАРОК ТОМАСА

Снотворное и на сей раз не подвело. Джеймс проснулся ближе к полудню. Повалялся немного в кровати, встал, оделся. Он всегда одевался сам, не считая возможным показывать свое тело даже верному камердинеру Томасу — в конце концов, слуга все-таки являлся мужчиной, а лорд Сеймурский... нет. К счастью, эту тайну знали лишь трое, включая самого графа.

Покончив с утренними процедурами, Джеймс спустился в малую гостиную и устроился в кресле. Взяв свежую газету, погрузился в чтение, не обращая внимания на угрюмые взгляды Томаса. Старый камердинер в последние годы стал просто невыносим.

— Сэр, прикажете накрывать завтрак? — спросил один из младших слуг.

— Да, пожалуй, уже можно, — лениво ответил граф, листая пахнущие типографской краской страницы.

Он с большим интересом просмотрел передовицу, но про взрыв экипажа, принадлежащего некоему капитану Гилберту, на сей раз ничего не нашел, хотя две недели назад скандал разразился громкий. Высказывались разные предположения о причинах, но вариантов было не так-то много: либо преднамеренное убийство и подложенная взрывчатка, либо проблема с кристаллом. Сначала большая часть мнений сходилась к первому

варианту — все-таки за прошедшие четырнадцать лет артефактные мобили не взрывались ни разу, но потом поползли слухи о том, что все-таки экипажи не так уж и безопасны. И дело вовсе не в быстрой езде. Из-за поднятой шумихи акции Общества поползли вниз, и, воспользовавшись этим, брокер лорда Сеймурского увеличил пакет своего нанимателя еще на два процента, заодно остановив падение курса. Полицейское расследование закончилось официальным заключением, что капитана Гилберта настигли враги, благо его военное прошлое предполагало мотивы у доброй дюжины людей, один из которых как раз накануне взрыва скрылся в неизвестном направлении. Свалить на него вину оказалось делом несложным.

Листая газету, граф совершенно случайно остановился взглядом на колонке с объявлениями о помолвках и бракосочетаниях и замер, прочитав: «Мистер и миссис Энтони Тальбот из Ландерина объявляют о помолвке своей дочери, мисс Франчески Тальбот, с мистером Ричардом Генри Кавендишем, сыном мистера и миссис Вильям Кавендиш из Гайд-Вилля».

Отшвырнув от себя газету, словно то была ядовитая змея, Джеймс, задыхаясь, вскочил на ноги. Дернул ворот сорочки, оборвав пуговицу. Встретился взглядом с Томасом... Камердинер все знал. Граф понял это сразу по торжеству в выцветших блекло-голубых глазах слуги.

«Бежать! — мелькнула в голове паническая мысль. — Бежать!»

Маска лорда Сеймурского развеялась как дым. А под ней была... мертвая Фрэнни. Ошеломленная, растерянная и испуганная леди Франческа, которая умерла для всего мира четырнадцать лет назад вместо своего брата... Со всех ног девушка припустила в фиолетовую комнату, даже не думая, что у слуг появятся вопросы.

Ощущение безвозвратной потери захлестнуло ее, словно девятый вал, утопив разум в беспросветном отчаянии.

«Быстрее! Быстрее!»

Дрожащие руки дернули за рычаг в крохотной каморке, открывая вход. Тихо ухнула дверь, захлопываясь за спиной. Франческа наугад ударила ладонью по светочу, зажигая его. Фиолетовые стены. Вокруг нее были фиолетовые стены. Темная комната-склеп. Рыдания рвались из груди, но не находили выхода, кружилась голова. Девушка судорожно втягивала воздух, пытаясь дышать. Ей страшно хотелось что-нибудь разбить, но под рукой ничего не было.

Выдвинув ящик стола, Фрэнни дрожащими руками извлекла оттуда хрустальный шар на подставке из красного дерева. Она ненавидела эту игрушку. Подарок Вильяма Кавендиша будущей невесте сына. Подарок убийцы — жертве. В прозрачной сфере светловолосый джентльмен кружил в вальсе черноволосую даму. С тихим скрежетом повернулся заводной ключ. Заиграла музыка. Фигурки начали двигаться. Раз, два, три, раз, два, три... Разноцветные блески медленно кружились и падали. Франческа коснулась шара, и по его краям загорелись огоньки, подсвечивая крохотных танцоров, навевая горько-сладкие воспоминания...

В комнате было темно. Так темно, что не удавалось различать даже смутные очертания стоящего рядом молодого человека. Но Фрэнни чувствовала присутствие Ричарда, и от этой близости ее сердце колотилось как бешеное.

— Я не хочу, чтобы вы исчезали из моей жизни, Джейн, — произнес Дик. — Хочу помочь вам. Хочу защитить — от вас самой и от всего мира, если понадобится.

Я не знаю, кто вы, ничего не знаю. Даже имя... ведь Джейн Стэнли не ваше имя. Вы могли приехать как с севера, так и с юга, с запада или востока. Из другой страны или другого мира, если такое вообще возможно. Я не знаю, как выглядит ваше лицо, могу только догадываться. Вы есть, и в то же время вас нет. Даже ваши духи... я никогда не слышал такого аромата. Это вереск и...

— ...водяные лилии, — подсказала девушка.

— Не уходите, — попросил Дик еле слышно. — Не уходите, Джейн, доверьтесь мне. Клянусь, я никогда не предаю вас.

— Это невозможно, Ричард.

Джейн... Всего лишь имя очередной маски и ничего больше.

Франческа. Ее звали Франческа Гвинебра Кавендиш. И она была невестой Ричарда... была бы, не умри много лет назад. Но Дик не знал этого. Он ничего не знал. А ей хотелось услышать свое имя, произнесенное им. Хотелось ощутить вкус его губ. Хотелось знать, что он ее любит. Ее, Франческу, а не загадочную Джейн Стэнли. Но разве мертвые могут быть рядом с живыми?.. Если только в полной темноте. Там, где видят не глаза, а сама душа.

Не выдержав, девушка коснулась щеки Ричарда, провела по ней пальцами, запоминая ощущения, и вскоре почувствовала его руки на своей талии.

— Не уходите, — шепнул Дик, нежно целуя Фрэнни в лоб. — Я не смогу жить без вас.

— Сможете. Я всего лишь призрак. Меня нет. Я помогу вам отомстить. А потом... потом вам лучше забыть обо мне...

Она ни словом не солгала. У них нет будущего. Фрэнни знала это как никто другой. Ричард был сыном человека, убившего всю ее семью, а она... она привыкла

играть роль собственного брата-близнеца. Их разделяло слишком много страшных тайн, чтобы появилась хоть крошечная надежда на счастье.

— Вы же знаете, что я не смогу вас забыть.

Губы Дика коснулись ее щеки.

— Другого выхода нет.

— Я не отпущу вас...

— Вы обещали...

— ...обещал не наводить справки, не интересоваться вашим прошлым и настоящим. Но... не обещал отпустить.

Поцелуй. Легкий, едва ощутимый. Фрэнни вздрогнула от неожиданности.

— Не надо, — она попыталась отпрянуть, — нам нельзя...

— Я не хочу, чтобы вы плакали. Никогда. Что я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

— Назовите мое имя!

— Джейн... — ответил Дик.

— Настоящее имя. Ошибетесь — и никогда больше меня не увидите! Поэтому не торопитесь отвечать!

Франческа Кавендиш. Ричард никогда не назовет это имя. Никогда не поймет, что граф Сеймурский, с которым его связывали несколько лет ненависти и всего несколько дней дружбы, лишь маска. Маска, за которой скрывалась девушка, давно умершая для всего мира... и для себя самой. А теперь... теперь все кончено. Ричард полюбил другую. Франческу Тальбот. Какая нелепая усмешка судьбы — его невесту даже звали так же. Милая, скромная, тихая мисс Тальбот. И больше не будет писем, адресованных Джейн. Порвется последняя связующая нить.

Огоньки в хрустальном шаре загорелись ярче. Музыка стихла, и Фрэнни еще несколько раз повернула ключ. Ей хотелось разбить проклятый шар, но она знала — нельзя. Не понимала почему, но точно знала — нельзя.

Напротив стола в стену было вмуровано старинное зеркало. Много веков оно провело в этой комнате. Девушка провела рукой по тяжелой черной раме. Пальцы скользили по изгибам причудливых завитков и орнаментов. В одном из углов находился родовой герб графов Сеймурских с летучей мышью и скрещенными шпагами. Фрэнни знала — когда-то здесь, в этой комнате, был тайный кабинет Томаса Кавендиша. Зеркало помнило первого из графов Сеймурских, но теперь в нем отражалась последняя из его потомков.

Черные длинные волосы, собранные в старомодный хвост, огромные синие глаза в обрамлении густых ресниц, бледная, словно у призрака, кожа, хрупкие плечи... Дик говорил, что она красива. Дик почти догадался, кто она... почти. Он думал, что Франческа каким-то чудом выжила, но не понял самого главного — слишком велика была его уверенность, что граф Сеймурский — мужчина...

Незаметно отражение в зеркале поплыло, изменяясь. Теперь Франческа смотрела на своего умершего брата — настоящего Джеймса Сеймурского. Призрак глядел на нее с жалостью. Еле заметное голубоватое сияние исходило от его одежды и кожи.

— Ричард любит другую, — сказала ему Фрэнни. — Все кончено.

Она произнесла это больше для самой себя, пытаясь окончательно сжечь все мосты. Но, услышав ее слова, брат покачал головой, выражая сомнение.

— Я прочитала объявление о его помолвке, — произнесла девушка, давясь невыплаканными слезами.

Джеймс несколько мгновений смотрел ей в глаза, потом указал пальцем на письменный стол.

— Не понимаю... — растерялась Фрэнни.

Молчание. Брат никогда не разговаривал с ней.

Подойдя к столу, девушка выдвинула по очереди несколько ящичков, пытаясь понять, о чем идет речь. Ее внимание привлекла перевязанная лентой стопка писем от Ричарда. Письма для Джейн Стэнли... Франческа не хотела их вскрывать.

Двенадцать конвертов. Девушка показала их брату. Джеймс кивнул.

— Я должна прочитать?

Еще один кивок.

— Но...

Брат исчез. Теперь в отражении Фрэнни видела только себя... с письмами в руке.

Ленточка полетела на пол. Больше всего ей хотелось сжечь все, что прислал Дик. Все, до последнего конверта, до последнего листочка. Но Джеймс считал иначе, а Франческа привыкла его слушаться.

Первое письмо. Беглый, уверенный, размашистый почерк с крупными буквами, знакомый еще по университетской учебе. Не послание, а короткая записка, больше похожая на крик отчаяния.

«Джейн! Видит Бог, я пытался выполнить вашу просьбу. Пытался забыть и честно держал слово, не навоя о вас справки, хотя больше всего на свете мечтал бросить дела и отправиться в Дал Риад, чтобы найти женщину, к которой обращены все мои мысли. Чтобы найти вас, Джейн!

Граф Сеймурский сказал, что вы старше меня, замужем и у вас есть сын... Но я помню наши встречи, помню ваш голос, помню аромат ваших духов... вереск и водяные лилии. Вы отвечали мне, Джейн... отвечали взаимностью. Я чувствовал это каждый раз, оставаясь наедине с вами. Чувствовал, даже не видя вашего лица. И сейчас, когда вне всяких причин на меня находит тоска, я знаю, что это ваша тоска, Джейн. Считайте меня безумцем, но вы снитесь мне каждую ночь. А утром я схожу с ума, просыпаясь и понимая — вас по-прежнему нет рядом.

Отпустите меня, Джейн! Отпустите или вернитесь ко мне!

Я сказал, что хочу сделать вам предложение, когда закончится траур по моей несчастной сестре. Прошло всего два месяца, но я уже готов примчаться в свободный Дал Риад, чтобы на руках отнести вас к алтарю, если граф Сеймурский солгал и вы свободны, или чтобы похитить вас, если вы все-таки замужем. Я готов пойти против воли родителей, против мнения света... Мне нужны вы. Только вы. И никто, кроме вас.

Одно слово. Мне требуется всего лишь одно ваше слово.

Так скажите его.

Вечно ваш, Ричард Кавендиш».

Фрэнни прижала письмо к груди. По щекам катились слезы. Ей казалось, что сердце вот-вот остановится: каждая строчка этого послания дышала искренним горем и любовью.

— Что же я наделала? — прошептала она в отчаянии. — Что же я сделала с тобой?..

Второе письмо. Все та же боль, все то же отчаяние — еще более глубокое, чем прежде, потому что Ричард не

получил ни строчки в ответ на свой призыв. Третье письмо, четвертое... Чуть более спокойные, словно Дик пытался общаться с Джейн хотя бы как с другом, но даже между попытками шутить прорывалась тоска.

Одиннадцатое письмо оказалось скорее мрачным. Ричард утверждал, будто понял, что значит столь длительное молчание. «Я постараюсь не тревожить вас более», — обещал он в конце.

Фрэнни помнила, что после этого был большой перерыв. Около четырех месяцев ни весточки. И каждый день она ждала, когда слуга принесет почту. Каждый день боялась, что письма больше не появятся. Но потом... на исходе зимы пришло еще одно. Двенадцатое.

Девушка поспешно вскрыла его, пробежалась взглядом по короткой записке.

«Я обещал не тревожить вас, но обстоятельства изменились. В начале марта сего года мне доведется посетить Грейс в качестве помощника мистера Моррисона. Седьмого числа в полдень я буду ждать на площади у городской ратуши. Мне говорили, что вы живете в Форт-Томинголе. Он совсем близко от Грейса. Надеюсь, вам не будет слишком сложно преодолеть это расстояние.

Клянусь, что не стану досаждать вам объяснениями и мольбами. Но вскоре мне предстоит принять важное решение, и, прежде чем сделать этот шаг, я хочу в последний раз увидеть вас и услышать, что вы никогда не станете моей. Сделайте для меня эту малость. Вот все, о чем я прошу».

И больше не было ни «вечно ваш», ни даже «к вашим услугам» — лишь сухое «с почтением, Ричард Генри Кавендиш».

Он ждал Джейн. Ждал у ратуши на площади Грейса... И не дождался. Фрэнни не читала этих писем и теперь понимала, какое решение хотел принять Дик.

Девушка заметалась по комнате. Джейн... Джейн могла спасти Ричарда от несчастливого брака. Ведь он не любит мисс Тальбот. Совсем не любит. И будет несчастен, женившись на ней. Помолвку нужно разорвать любой ценой, и если для этого нужна Джейн, так пусть она появится. Сесть в экипаж... и уже ночью миссис Стэнли окажется в Ландерине...

Вынудив девушку испуганно вздрогнуть, дверь с тихим скрежетом отъехала в сторону. На пороге появился Томас.

— Я читал объявление, после которого вы позволили себе столь неуместное поведение. Думаю, теперь вам надлежит срочно поговорить с мистером Кавендишем, — сказал он, не размениваясь на долгие объяснения. — Я помогу в этом деле. Держите. — Слуга протянул Фрэнни круглую серебряную брошь с крупным темно-синим кристаллом в центре.

— Что это? — удивилась девушка, принимая подарок.

— Артефакт.

— Для чего он? Почему ты решил мне его подарить? Он ведь не из тех, которые производит Общество. Я не помню ни одной подобной модели, при том, что мне присылают все новинки.

— Мастера Общества не имеют никакого отношения к этому артефакту, — ответил Томас, мрачно глядя на хозяйку. — Я приобрел его нелегально у одних... талантливых любителей... И лучше никому не знать, что может делать ваша брошь. Ведомство сэра Гриффина очень бы заинтересовалось подобным изделием. Как